ГОДЫ, ЛИЧНОСТЬ, СУДЬБА

...В его комнате все осталось, как было и при нем. Только появился портрет на стене. И улыбка Ильинского — уже из прошлого. Как напутствие. Как одобрение. Как поддержка.

Татьяна Александровна Еремеева была рядом с ним много лет, счастливых и горестных. Особенно трудных, когда большой художник, надломленный слепотой, которая сковывала его движения, все-таки оставался актером Малого театра, выдающимся чтецом-исполнителем. Он не поддавался недугу. Только она знает, как он учил на слух свои последние роли, как, держась за дверную ручку, выматывал себя бесконечными физическими упражнениями, чтобы некогда бравый Крутицкий сохранил на сцене свою начальственную осанку. А теперь на ее долю выпал еще один долг — разобрать, систематизировать все написанное Ильинским, все, что адресовано ему.

Рождается книга об Актере и Человеке. Ее самые первые, во многом еще отрывочные страницы мы предоставляем нашим читателям.

И НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ ПРОТИВ СОВЕСТИ

НАШЕЙ стране — семьдесят лет! Нашему советскому искусству, которое пришло служить новой жизни, тоже семьдесят. И сегодня наш рассказ пойдет о человеке, чей творческий путь равен этой славной дате, — об Игоре Ильинском.

Один из зачинателей советского кинематографа, бойким, увлеченным юношей он кинулся в искусство тех первых лет, еще не все осмысляя, не во всем разбираясь,— юный студиец, вооруженный одной только недюжинной интуицией да еще несомненным вкусом. Они и повели его в разнообразную, еще не устоявшуюся и неустроенную жизнь молодой страны.

Служить! Дерзать! Создавать! — все равно где — на подмостках площадей, на грузовиках, в парке, в самодеятельных клубах пригородов — где угодно! А позднее — на сценах новых театров, которые рождались вокруг, как грибы после теплого дождичка.

Он стал профессиональным актером в 17 лет и с тех пор — до последних дней жизни — делил с нашим искусством радости и горести, надежды и тревоги, победы и поражения.

«Путь, пройденный им,— писал С. Юткевич,— от шекспировского Шута в «Виндзорских проказницах» в двадцатом году до роли поистине шекспировского масштаба — Великого Старца, не признававшего Шекспира, но закончившего свой путь, как король Лир, поистине грандиозен!» (Здесь речь идет о роли Льва Толстого. Публикация 1982 года).

Уже в 1926 году после целого ряда немых фильмов вышли в свет две монографии об Ильинском, которые предсказали молодому актеру громкую славу.

«Имя Ильинского, статьи, посвященные ему, овации и бурные рукоплескания — все говорило за то, что этот актер надолго останется на театре, поражая зрителя и радуя взыскательного критика» — так начинался «гороскоп» В. Шершеневича (Кинопечать, 1926 год), но заканчивалось предсказание весьма неожиданно: «Ильинский — артист театра—умер! Да здравствует Ильинский — артист кино!».

Но звонкая кинослава не вскружила голову молодому артисту. Ильинский — артист театра — не умер! Любимец публики, которого везде ждал ошеломляющий успех, не был удовлетворен своей работой в кино. Уже тогда, окончив съемки фильма «Чашка чая», он писал, что «намерен и дальше идти по тернистому пути кинокомедии, только теперь пора с **как?** перейти на **что!** Дело за сценариями, которых нет!»

Да, успех Ильинского в кино был огромен, но он оставил кино и вернулся в театр. Почему? Он искал высокую литературу.

«СМЕХОМ и слезами помогать добру и правде и ничего не делать в искусстве против совести»,—писал Ильинский в 1933 году. Этому завету Игорь Владимирович оставался верен до конца.

И именно в театре — не в кино, где, казалось бы, был он счастливее,— создал он своего неповторимого Акима во «Власти тьмы» Л. Толстого, а позже — самого Льва Толстого в пьесе И. Друцэ «Возвращение на круги своя». Роль, о которой сам он писал, что эта работа на многое открыла ему глаза, в ней он понял, что такое «жизнь человеческого духа». И сам стал лучше.

ОН ЛЮБИЛ кино и весь кинопроцесс, но его музой стала и эстрада, где он сам был и исполнителем, и режиссером, и «шлифовщиком». Эстрада оставила нам его высшие достижения: «Рассказ Карла Ивановича» Л. Толстого, «Старосветских помещиков» Гоголя, «Душечку» и «Горе» А. Чехова, образы, от которых щемит душу: с такою добротой, с такой любовью к человеку, с такой нежностью они рассказаны нам — людям сегодняшнего дня.

Чтением этих дорогих его сердцу произведений он стремился призывать людей любить друг друга. С литературными концертами он объездил почти всю страну. Бывало, по дороге на гастроли, стоя у окна вагона, он, улыбаясь, говорил: «Вот здесь я выступал (а речь зачастую шла о небольшом поселке). И здесь — тоже!» А через полчаса снова: «И здесь!» Он выступал на фронте, выступал в госпиталях, школах, больницах, военных училищах, не говоря уже о больших сценах! Даже на сдвинутых рыболовецких шаландах в Каспийском море.

Еще в юности Ильинский взялся за «Старосветских помещиков» — эту нехитрую повесть о двух старичках — Афанасии Ивановиче и Пульхерии Ивановне. Его волновала участь одинокого старика.

Тогда, читая повесть о страданиях Афанасия Ивановича, Ильинский лишь «представлял» себе его горе. С годами, пройдя жизнь, потеряв многих, почти всех друзей юности, он обогатил образ Афанасия Ивановича живым чувством, казалось, проникал в самые заветные, тайные, непостижимые глубины его души. И когда произносил он одну из последних фраз одинокого своего Афанасия Ивановича: «Это то кушанье... То... кушанье...» — глаза Ильинского наполнялись слезами. Плакали и в зале. Сколько горьких, глубоких мыслей о невозвратимости утраты, сколько воспоминаний, сколько безутешной боли привносил он в эту печальную концовку! Поистине было это честным служением Гоголю!

Уже в 85 лет, почти потеряв зрение, Игорь Владимирович почти ежедневно повторял «Старосветских помещиков»! Чтобы не забыть! Чтобы найти в них то, что еще было недопонято. Вы только вдумайтесь в эту цифру — около шестидесяти лет он работал над повестью, совершенствуя ее с позиций прожитой жизни...

И ЗДЕСЬ мы подходим к попытке объяснения тайных кладовых Игоря Владимировича и самой его личности. Все, что делал он в искусстве в своем зрелом возрасте, было следствием его наблюдений, дум, страданий, опыта, прожитых горестей. Сердце этого «комика» было полно жажды улучшать и совершенствовать жизнь, делать добро, нести в жизнь светлое начало. Да, он был светлым человеком — человеком необычайно сложного, глубокого внутреннего мира.

Как только не величали его в юности!

И артист-трючкин! И синтетический артист, и биомеханик, и «артист-шалун» (так назвал его однажды К. С. Станиславский). А Ильинский был художником, которому под силу оказалось многое — то, о чем никто не догадывался! И совсем не зря отдал он последние годы жизни Льву Толстому и лакею Фирсу из «Вишневого сада».

Поразительная интуиция, высокое чувство ритма, которому придавал он на театре огромное значение, отличное «ухо», улавливающее всякую фальшь, способность делать выводы из своих неудач и мучиться этими неудачами — все эти бесконечные «умения» вели его по жизни. Проходя через разные школы и течения, он убежденно пришел к глубокому подлинному реализму — к «жизни человеческого духа»!

Школа — это начало. Азы. Первое прикосновение к самому себе и профессии. Истинный художник, говорил он, непременно обретает потом свою собственную школу, из познаний всего того, что волновало его в искусстве. И вот эта «собственная школа» и выковывает просто актера в мастера!

Художник должен сознавать предел своих возможностей и уметь различать за плодами своих трудов сияющий призрак совершенства! Слова эти принадлежат Микеланджело — этому вечному мученику искусства. Ильинский любил эти слова и всю жизнь стремился к своему «сияющему призраку».

Да, по сути, Ильинский был счастливым человеком — он владел зрительскими симпатиями почти семьдесят лет! Он прожил долгую и красивую жизнь. Но жизнь этого «короля смеха» вовсе не была безоблачна. Отважный в работе мастер, он был скромен, полон сомнений и никогда не знал самоуспокоенности.

В период репетиций «Власти тьмы» он дважды отказывался от роли Акима — роли, принесшей потом ему общее признание. Сомневался, считал, что «не выходит!». В театре тоже не очень верили в него, говорили, что он «не мужик», «слишком интеллигентен» и прочее. Роль передали другому артисту. (То же самое происходило и с ролью Льва Толстого). Однако любовь к Толстому взяла верх. Летом он купил магнитофон и весь отпуск работал над ролью — записывал себя, слушал, стирал запись, опять писал, опять слушал и стирал, и так бесконечно! Чтобы все Акимовы «тае», «не тае», «облыжно», «значит» сделать своими, наполнить их содержанием. И только благодаря этому труду и своему нравственному здоровью «артист-шалун» стал великим трагическим актером — писал о нем в своей статье В. Комиссаржевский.

ТЕПЕРЬ, когда Ильинского уже нет с нами, наверное, важно заново оценить его труд с позиций времени, ибо опыт его творческой жизни может и, мне кажется, должен служить примером трудолюбия для «молодых да ранних», легко верящих в свою гениальность.

Ильинский был не только великолепным русским актером, он был деятелем, боровшимся за чистоту рядов искусства, неустанно писавшим о том, что его волновало. Более трехсот статей и заметок в журналах, не говоря уже о его книге, полны беспокойства за будущее театра. Его тревожили узость интересов молодого поколения, нравственный климат театра, безвкусица. Он бунтовал против дурных пьес, которые «почему-то» идут на сцене, против почивания на лаврах и довольства премиями и похвалами, не мирился с эрзацами, боролся против «вышибания званий»...

«А не пришло ли время,— заканчивая последнюю главу своей книги, писал он,— приблизить театр к тому, чтобы не слово «интрига», а слово «справедливость» стало позывным искусства. Я хочу, конечно, театра идеального, но для художника истинного, как и для истинного руководителя любого ранга, нет, мне кажется, более почетной и трудной задачи».

Вот тут, скажем и мы, и раскрывается тот Ильинский, которого одарила судьба,— русский до мозга костей, честный, бескомпромиссный, совестливый и светлый художник — исследователь человеческих душ!

Т. ЕРЕМЕЕВА,
народная артистка РСФСР.